ГИПОТЕЗА
О
МОНСТРАХ
РОМИЛИ БЕРНАРД
#эксмодетство

Фэнтези для подростков

Ромили Бернард

Гипотеза о монстрах

«Эксмо»
2019

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бернард Р.

Гипотеза о монстрах / Р. Бернард — «Эксмо», 2019 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-112984-2

Кик – великий учёный! Ну, по крайней мере, когда-нибудь точно будет. А пока она живёт с бабушкой на болотах города Скукотаун и, пока родители (уже великие учёные) путешествуют по миру, успела проделать в полу дыру и подружиться с аллигатором, который живёт под крыльцом. Бабушка у Кик – экстрасенс (ненастоящий), и хотя девочка в жизни не верила в подобную чушь, в Скукотауне она в почёте – здесь даже верят в древнее проклятие, из-за которого все дети города должны превратиться в монстров! Именно поэтому, оказавшись в школе новенькой, Кик… тоже притворяется экстрасенсом! Однако, когда в округе начинают пропадать дети и все с ужасом ждут проклятия, Кик понимает – пора применить свои научные знания (а вовсе не мистический дар), чтобы выяснить, что происходит. Ведь проклятий и монстров не существует. Ну, практически наверняка…

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112984-2

© Бернард Р., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1. Прорицание бабушки Миссури: «Стоит ожидать неблагоприятного результата» 6
2. Прорицание бабушки Миссури: «Положение дел вскоре ухудшится» 10
3. Прорицание бабушки Миссури: «Беда придёт не одна – их будет три» 14
4. Прорицание бабушки Миссури: «Впереди тебя ждёт новое начинание» 18
5. Прорицание бабушки Миссури: «Проклятие грядёт. Следует готовиться к худшему» 22
6. Прорицание бабушки Миссури: «Я вижу впереди большую ошибку» 25
7. Прорицание бабушки Миссури: «Со щитом, детка, или на щите» 28
8. Прорицание бабушки Миссури: «Поосторожней со своими желаниями» 31
9. Прорицание бабушки Миссури: «Кому ты предпочтёшь поверить? Мне или своим обманчивым глазам?» 34
10. Прорицание бабушки Миссури: «Нет уж, детка, если двери сами открываются и закрываются, значит, ты живёшь в доме с привидениями. Пора переезжать» 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ромили Бернард
Гипотеза о монстрах

Romily Bernard
The Monster Hypothesis

© Родина А.Ф., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Посвящается моей маме, которая знала, что Кик классная, с самого начала

1. Прорицание бабушки Миссури: «Стоит ожидать неблагоприятного результата»

Всё началось со взрыва. Не то чтобы очень большого, но достаточно крупного, чтобы несколько половых досок разлетелись на кусочки. Кое-какие даже загорелись, кое-какие задымились. А самые мелкие кусочки древесины оказались в волосах Кик Зимовер.

Впрочем, она не обратила на это ни малейшего внимания.

– Надо было ещё раз инструкцию перечитать, – пробормотала Кик, прекрасно помня, что и в первый раз её не читала.

Ещё один кусочек половой доски с треском откололся и скользнул в рваную дыру в полу, отчего чёрный кот Батлер в испуге метнулся в сторону. Кик закашлялась, помахала рукой перед носом, разгоняя дым, и подумала, что, пожалуй, у всех продвинутых учёных в своё время случались такие вот досадные неудачи. Хотя, может, и не у всех, и Кик решила списать свою досадную неудачу на школьное образование: ещё один пример того, что по-настоящему нужным вещам в школе совершенно не учат.

Правда, досадные неудачи на данный момент были не самой тяжёлой проблемой, потому что в дверях кухни уже стояла бабушка.

Сердце Кик скакнуло в пятки. Для пожилой дамы с хромотцой бабушка Миссури могла двигаться необычайно быстро, если ситуация того требовала.

Ситуация вроде теперешней, когда на её кухне появилась незапланированная вентиляция.

– Кик! Зимовер! – подалась вперёд бабушка Миссури, и костяшки на руке, сжимавшей трость, побелели.

– Оно само!

– Само?

– Ну конечно! – Кик попыталась рассмеяться, но вышло только нелепо фыркнуть. – Ты же знаешь, как оно бывает. Всё идёт нормально, и вдруг – раз! Ну и вот…

Бах!

Новый кусочек половицы улетел в дыру, откуда ещё струился дымок. Бабушка и внучка проводили его взглядом, и снизу раздался смачный всплеск. К счастью для всех, Дольняя Пустошь – крохотное сельцо из одного дома, в котором они и жили – стояла на сваях над болотом, и горящие кусочки половиц просто-напросто провалились в мутную воду. К несчастью для Фиггиса – огромного аллигатора, который жил под домом, – горящие кусочки посыпались градом прямо на него.

Кик проследила в дыру, как Фиггис, покрытый склизкой грязью, проплыл мимо с видом крайнего недовольства.

А может, это его обычный вид. Кик не могла быть уверена. В конце концов, в Дольней Пустоши она жила всего несколько дней.

– Права твоя тётя, – пробухтела бабушка Миссури, во все глаза уставившись на опалённую дыру. Она тяжело опустилась на кухонную табуретку, и крохотные бубенчики на юбке мелко звякнули. – Ты и в самом деле вырастешь злым гением.

Кик со вздохом расслабилась.

– Да не стану я никаким злым гением. Я стану великим учёным. Буду приносить пользу людям, как папа с мамой, потому что наука – она не может быть злом. – Кик умолкла, глядя, как внизу снова проплыл Фиггис. Он не спускал с Кик глаз и возмущённо пускал пузыри. Ну или просто пускал пузыри. С этими аллигаторами не поймёшь. – По крайней мере, в задумке наука всегда добро, хотя взрывы иногда случаются.

– Да о чём ты только думала? – воскликнула бабушка Миссури, вцепившись в кружевной воротничок платья. Вообще-то обычно она не носила кружева – да и бубенчики, если уж на то пошло, – но скоро должен был зайти мистер Джессап, чтобы ему погадали на картах, а он считал, что все экстрасенсы должны выглядеть, как по телевизору.

Надо заметить, он ошибался. Обычно бабушка Миссури одевалась, как звезда Голливуда прошлых лет, носила аккуратно завитые локоны и длинные перчатки по локоть; однако, по её словам, запросы клиента, который обращается стандартно дважды в неделю, понимать не надо – их надо удовлетворять.

– Не знаю, о чём я думала, – ответила Кик, взяла свой лабораторный блокнот – журнал опытов и наблюдений, перелистнула на новую страничку и наскоро записала:

6 сентября, пятница
Подумать о том, чтобы заглядывать в инструкцию.

Она отложила ручку.

– Может, позвонить родителям?

– Ни в коем случае. Джорджия занята.

Кик нахмурилась. Бабушка права. Джорджию – бабушкину дочь и мать Кик – во всём остальном мире знают как доктора наук Джорджию Зимовер, мегаучёного. Она много колесит по миру, чтобы сделать его лучше, и порой улучшение мира так занимает её, что она вынуждена оставлять Кик одну. Иногда на несколько дней. Иногда… дольше.

В этот раз, похоже, дольше всего.

Последнюю мысль Кик постаралась отогнать. Её необходимо отогнать. Иначе, если позволить ей задержаться, она может настроить против Кик всю остальную голову. Голова станет думать о том, как родители постепенно уходят от Кик всё дальше. Как уже пропал с одежды аромат маминых духов. Неужели папино касание, когда его рука сжимает ладошку Кик, пропадёт следующим? Похоже на то. Испаряться умеют не только химикаты.

– У твоей мамы много забот и без нас, – сказала бабушка Миссури, поглаживая внучку по голове. – А с нашими мы и сами справимся. Мы же с тобой вместе.

– Это верно.

– И потом, мы же не хотим всё испортить. Ты ведь сюда не в наказание приехала, а в награду.

И это верно. Было бы верно – для большинства детей, для которых поехать к бабушке – истинная награда. Но для них это так, потому что их бабушки добродушные, ласковые и вечно пекут пирожки. Их бабушки – не местные гадалки, а уж если и гадалки, то хотя бы настоящие. Потому что в случае с бабушкой Миссури гадание состоит в том, чтобы взять с клиента плату и сказать ему то, что он хочет услышать.

– Бывает работа и похуже, – говорила обычно бабушка, когда Кик начинала допрашивать её на этот счёт.

– Это какая же? – не унималась Кик.

– Потом как-нибудь расскажу. А сейчас помоги-ка пожилой женщине с ветряной машиной.

И Кик принималась помогать, потому что бабушка Миссури и впрямь была пожилая, а ещё потому что ветряную машину в доме липовой гадалки надо прятать как следует, иначе все догадаются, что гадалка липовая, а это испортит заработок.

– Кик?

Кик обернулась. Бабушка сидела в прежней позе за щербатым кухонным столом, и её покатые плечи повисли, как старая подушка.

– Да?

– Откуда у тебя этот химический набор? От папы?

Кик задумалась. Вопрос наверняка, что называлось у бабушки Миссури, с подвохом. А ещё бабушка наверняка сама знает на него ответ, и этот ответ ей не нравится. Бабушка Миссури и Джеймс Зимовер друг друга недолюбливали.

– Это чтобы я продолжила осваивать естественные науки. – Тр-рах! Что-то хлюпнуло в воду под домом. – Мне надо вести журнал научных гипотез и вносить в него идеи для экспериментов.

Бабушка кивнула.

– Напомни мне подарить твоему папе муравьиную ферму, когда он вернётся.

– Но эти муравьи же вечно вылезают наружу и… – И в этом суть подарка, поняла вдруг Кик. Надо срочно сменить тему.

Только на что? Она обвела взглядом кухню в поисках вдохновения. В окна над раковиной видны болотные деревья – вон они торчат из трясины, точно узловатые пальцы, покрытые корочкой мха и струпьями плюща. В прореху в полу видно Фиггиса.

– Может, сказать мистеру Джессапу, что это дело рук злого духа? – выдала Кик в конце концов.

Бабушка задумалась над этой идеей, не отрывая глаз от дыры в полу – а может быть, от Фиггиса. На глазах у бабушки с внучкой из прорехи потянулся дымок, а вместе с ним показался шмель и неспешно направился к широкому кухонному окну.

– Или, – проговорила бабушка, – можно сказать ему, что Проклятие распространилось и на нас, и ему стоит поскорее привести своих внуков для защитного заговора.

Кик закатила глаза. С тех самых пор, как она здесь, все только и говорят, что о Скукотаунском проклятии. Согласно преданию, раз в сто лет все дети Скукотауна обращаются в чудовищ и захватывают город. Правда, Кик так и не выяснила, с чего бы это. Бабушка Миссури говорила, что просто так положено. Мистер Джессап говорил, что колдовство идёт с болот вокруг – и говорил это с таким убеждением, что у Кик мурашки бегали по спине. Начинало казаться, что это правда.

Но, разумеется, только казаться.

Потом Кик вспоминала, как мистер Джессап однажды искал утечку газа с зажжённой спичкой; брови у него до сих пор как следует не отросли. Очевидно, его показания не стоит принимать всерьёз.

Кик глубоко вздохнула и досчитала до десяти, чтобы обрести спокойствие; это не помогло, и она досчитала до двадцати.

– Никаких проклятий не существует, – выговорила она.

– По-твоему, ЭТО не чудовищно?

Строго говоря, ЭТО было просто неудачным соединением нитрата калия и серы, но Кик хватило ума не сообщать об этом бабушке.

– Чудовищ тоже не существует, – сказала она.

– Чудовищ в мире полно.

– В мире не существует…

– В мире существуют наказания. Никаких мне больше экспериментов. – Бабушка Миссури наклонилась вперёд, так что её нос почти коснулся носа внучки. Кик узко прищурила глаза. Они уставились друг на друга. – И не думай, что из-за этого я отошлю тебя обратно, – проговорила бабушка, поднялась на ноги и сменила трость на метлу с жёлтой ручкой. – Для начала тут надо прибраться.

Кик обвела взглядом тлеющие края дыры в полу, обуглившийся буфетный плинтус, моток рыболовной лески, который так и валялся на кухонной панели, потому что бабушке надо было натянуть её в приёмной зале. Прибраться? Похоже, бабушка надышалась дыма.

Хотя, по правде говоря, это уж вряд ли. Бабушку Миссури ничем не проймёшь – ни дырами в полу, ни подозрительными клиентами в поисках рыболовной лески под скатертью

в знак благоприятного момента, ни даже шоколадками во фритюре. На самом деле Кик даже видела как-то раз, как бабушка жарила во фритюре сливочное масло.

Весь брикет.

Однако раздумывать над этим Кик не пришлось, потому что в следующую минуту бабушка Миссури всучила ей кухонное полотенце и сказала, сгребая осколки мензурок в кучу:

– Когда закончим с уборкой, сходим в город, запишем тебя в школу. Тебя, очевидно, надо чем-то занять.

Занять? Где? В этом захолустье с говорящим названием Скукотаун? Успех крайне маловероятен, отметила Кик, однако снова промолчала. Она взяла свой лабораторный блокнот и потянулась к остаткам блюдца для выпаривания – но тут же озадаченно сдвинула брови. Блюдце не двигалось с места. Оно приросло к пластику кухонной панели.

– Непременно чем-то занять, – проговорила себе бабушка, налегая сильнее на метлу. – Я же ей так и говорила. Джорджия, говорю, человеку нужен дом, нужна связь с корнями, а такого ребёнка, чтоб совсем никаких друзей не было, я в жизни не видывала.

– Но мне не одиноко, – быстро вставила Кик. И это была правда. Её оставили с бабушкой, да, – но только потому, что родителям пришлось уехать в далёкие страны выращивать урожай в регионах на грани вымирания. Конечно, ей не хватает их с папой экспериментов по выходным, кулинарных вечеров с мамой, и да, это чувство немного напоминает одиночество, даже внешне выглядит как одиночество, однако одиночеством не является. В этом Кик уверена. – Мне не одиноко, – повторила она.

Бабушка пропустила её слова мимо ушей.

– Ну уж нет, – продолжала она, сметая остатки стекла в кучу, а кучу – в дыру. Где-то внизу Фиггис ударил по воде хвостом. – Ребёнку нужен Скукотаун, и она остаётся в Скукотауне.

Кик снова вздохнула, и на этот раз приложила все усилия, чтобы вздох прозвучал особенно многострадальным. Это было несложно. В конце концов, если бабушку Миссури и в самом деле заботит, чтобы внучка не стала злым гением, то ей пора бы осознать, что именно в Скукотауне, городишке населением в 453 человека, 2053 аллигатора и несметное число комаров – больше никем и не стать, как только злым гением.

Здесь абсолютно нечего делать.

Здесь абсолютно ничего не происходит.

Но как это обычно и бывало, на такие вещи обращала внимание только Кик.

2. Прорицание бабушки Миссури: «Положение дел вскоре ухудшится»

Часы пробили три, когда бабушка Миссури (лицо хмурое) и Кик Зимовер (лёгкие следы подпалин) вошли в двери Общеобразовательной школы города Скукотауна. В прошлой школе, где училась Кик, пахло плесенью и средством для пола, но в этой пахло свежей краской и новёхонькими теннисными туфлями. Здесь было светло, радостно. Снаружи здание покрывал тёмный кирпич, а внутри стены были выкрашены в кремовый цвет. В коридорах висели рисунки учеников, у окна стоял шкаф с наградами; и Кик, лучше других понимавшая, насколько важно окружение, решила, что школа заслуживает твёрдой пятёрки с плюсом.

Пусть здесь и пустовато.

– А где все? – спросила Кик.

– Большинство детей предпочитают играть на улице.

– Странно.

– Понимаю, – улыбнулась бабушка, но её улыбка тут же погасла, как только блондинка за высоченной стойкой у входа выдала ей стопку бумажек для заполнения. В бумажках бабушка была несильна. Она поморщилась, словно учуяла запах палёных половых досок. – А тут точно всё надо заполнять? – спросила она, пролистывая пачку.

– Совершенно точно.

Бабушка Миссури недовольно взглянула на блондинку. Та недовольно взглянула в ответ. Это была строгая худощавая барышня с загорелыми скулами и призрачно бледными руками. Рядом с объёмными юбками и тучной фигурой бабушки Миссури она могла бы показаться маленькой. На деле она казалась скорее… колючей.

– Кажется, мы незнакомы. – Бабушка водрузила свой увесистый красный ридикюль на стойку, и внутри него что-то пискнуло. – Миссури Джексон.

Блондинка за стойкой хлопнула ресницами.

– Миссури Джексон. Экстрасенс.

Хлоп-хлоп.

В комнате стало невыносимо жарко. «Интересно, от стыда возможно самовозгорание?» – подумала Кик. Пока казалось, что возможно.

Барышня вскинула голову. Гладкие белые волосы, затянутые в тугой пучок, резко блеснули в электрическом свете.

– Ну а я доктор Каллаган. Школьный психолог.

– Психолог? – Бабушкин ридикюль снова пискнул, и она прихлопнула по нему ладонью. – Психология для хиппарей, милочка. Вы уверены, что следуете своей судьбе? Моё чувство подсказывает мне, что вам уготовано что-то гораздо более… природное. И потом, с каких это пор психологи занимаются бумажками? Куда делась Бесси?

– А ваше шестое чувство вам ничего не подсказывает?

– Ваша аура заслоняет моё шестое чувство. Она очень зелёная.

Доктор Каллаган слегка прищурила левый глаз.

– Бесси болеет, а работать некому, вот я и замещаю.

Бабушка Миссури согласно закивала, словно ничего другого и не ожидала услышать.

– И всё же я подозреваю, что вселенная ждёт от вас большего.

– Учитывая, что я дважды кандидат наук – по биологии и психологии, думаю, можно с уверенностью утверждать, что «вселенная» мной вполне довольна.

– Ой ли? – Бабушкин голос пополз вверх, и Кик поморщилась. Сейчас будет прорицание. – Ибо дочери Скукотауна – а в особенности те дочери Скукотауна, которые достигли столь потрясающих высот, – редко возвращаются к родным пенатам э-э… замещать.

Как по взмаху красной тряпки, ноздри доктора Каллаган раздулись от негодования.

Кик скорчила гримасу. За последние четыре года её родители успели поработать в шести разных городах, а значит, Кик поучилась в шести разных школах, благодаря чему прекрасно знала, что значит быть «новенькой», а точнее, «заумной новенькой», а ещё точнее – «заумной новенькой, с которой никто не дружит и в столовке рядом никто не садится».

Но вот быть «заумной новенькой, которую ненавидит школьный психолог» ей ещё не доводилось. Впрочем, с лёгкой бабушкиной подачи это вот-вот должно было измениться.

Бабушка Миссури встряхнула плечами.

– Ну ладно, хоть мы и незнакомы, но мою вторую внучку вы, конечно, знаете? Её зовут Каролина.

– А-а! – Доктор Каллаган перегнулась через стойку и взглянула сверху вниз на Кик, а затем снова на бабушку Миссури. Похоже, она принимала решение о зачислении. «Только бы отказ, – взмолилась Кик. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста».

Хуже того, чтобы снова стать новенькой в очередной школе, могло быть только одно – поступить в школу благодаря двоюродной сестре.

– Каролину у нас знают все, – сказала в конце концов доктор Каллаган. – Такой одарённый ребёнок, и с такой развитой речью.

Кик закатила глаза. Частично своей развитой речью Каролина была обязана маме-юристу, а частично – папе, бывшему супер-пупер-учёному, ныне от науки отошедшему. Ну а в остальном – своему поразительному всезнанию.

Доктор Каллаган уставилась ненадолго в бумажный планшет и задумчиво затеребила бледными пальцами кулончик в виде магнолии.

– Посмотрим, что можно сделать, мисс Миссури.

– Спасибо, – сказала бабушка, подождала, пока психолог скроется за стойкой и, наклонившись, зашептала Кик: – Ты слышала, как она говорила про Каролину?

Кик снова закатила глаза. Ну конечно, слышала. Взрослые всегда с благоговением и восторгом упоминали это имя. Что могло бы жутко раздражать – если бы Кик хоть сколько-то трогали подобные вещи. К счастью, её не трогали.

Ну, почти.

– Тебя зачислят, – продолжила бабушка. – И готова поспорить на свой знаменитый болотный торт, что с бумажками мне возиться не придётся.

– Не буду я с тобой спорить.

– Почему?

– Потому что ты всегда выигрываешь.

Бабушка Миссури усмехнулась.

– Это потому, что я вижу людей насквозь. – Она выпрямилась и разгладила свои элегантные кожаные перчатки для вождения. Предполагалось, что в них она будет выглядеть изысканнее – так оно и было, – но у Кик крылось подозрение, что на самом деле бабушка так любит эти перчатки, потому что в них она чувствует себя этакой автогонщицей на европейский манер. – Иначе откуда я, по-твоему, знаю, что доктор Каллаган родом из Скукотауна?

– Понятия не имею, но подозреваю, что сейчас ты мне обязательно об этом расскажешь.

– Заглянула к ней в «Тойоту», когда мы подъехали. Пусть она и вообразила, что маленькая машинка вроде «Приуса» – самое то для езды по грязи и затопленным просекам, но про высокие сапоги от змей на случай, если придётся идти пешком, она не забыла. Причём зубостойкие Фэнг-пруфы продаются только в «Гримп-и-Майер», так что она из местных. А как, по-твоему, я поняла, что она любит садовничать?

Кик уже хотела ответить, что и об этом не имеет понятия, как вдруг понятие к ней пришло.

– По загару, кулону и по бледным рукам! Она много времени проводит на солнце, но, видимо, носит перчатки. – Кик помедлила и добавила: – Про «зелёное» и «природное» ты ловко ввернула.

– Ага. Всё, что нужно знать о человеке, можно понять, если посмотреть внимательно. Ты так себе состояние сколотишь, девочка моя.

– Я не хочу никого дурачить. Я хочу быть учёным.

Бабушка Миссури сердито фыркнула.

– Так, послушай-ка меня, мисс Всезнайка. Люди хотят чувствовать себя умнее, пусть при этом их немного дурачат, но они совсем не хотят, чтобы их держали за дураков. Заруби себе на носу.

Кик открыла было рот, но тут появилась доктор Каллаган со своим планшетом.

– Ввиду особых обстоятельств, мисс Миссури, – объявила она, – мы сделаем для вас исключение в плане заполнения анкеты. Можете потом принести.

– Премного благодарна, – сказала бабушка и закинула красный ридикюль на плечо. В ридикюле снова пискнуло. Кик и доктор Каллаган внимательно проводили взглядом ридикюль, но бабушка сделала вид, что ничего не заметила. – Кик живёт у меня в Дольней Пустоши, пока не вернутся её родители.

Доктор Каллаган побледнела. Кик невольно улыбнулась. Новый школьный психолог могла не знать бабушку Миссури, но о таком месте, как Дольняя Пустошь, слава ходила повсюду.

– Как, она живёт ТАМ? – спросила доктор Каллаган таким тоном, как будто спрашивала что-то вроде: «А вы правда едите детей?» или «Вы действительно не чистите зубы?»

Тон этот был Кик понятен. В общем-то, он был понятен ей лучше, чем кому бы то ни было, потому что она и в самом деле жила в Пустоши. И там в самом деле творился кошмар.

Но кошмар творился только в том случае, если вы никогда не слышали, как мурчит чёрный Батлер. А мурчит он, как лодочный мотор. Или никогда не слышали ночного запаха травы. Это сладкий запах. А уж особенный кошмар творится, если вы никогда не пробовали кормить Фиггиса просроченными куриными котлетами из местного супермаркета. Их он любит поедать куда больше, чем детей.

Но ни о чём из этого доктор Каллаган не знала, а стоило Кик рассказать о подобных прелестях, и бабушка Миссури три шкуры бы с неё спустила за то, что девочка портит зловещую репутацию Пустоши.

– Ну конечно, там, в Пустоши, – ответила бабушка. – А где ей ещё жить?

На этом она замолчала, и доктор Каллаган уткнулась обратно в планшет.

– Так… Имя – Кэрис? – спросила она, взглянув на Кик.

Кик задрала подбородок.

– Нет. Моё имя Кик.

Доктор Каллаган подняла глаза на бабушку.

– Вы что, серьёзно хотите, чтобы девочку так называли?

Бабушка только пожала плечами.

– Раз девочка сама хочет, чтобы её так называли, то почему бы и нет.

– Интеррресненько, – протянула доктор Каллаган и что-то чиркнула у себя в планшете с видом заправского школьного психолога. Затем она вынула из-под зажима лист бумаги и протянула его Кик, сверкнув бледным запястьем. – Твоё новое расписание.

– Спасибо, – ответила Кик и, задержав дыхание, забегала глазами по строчкам. В расписании стояли чтение, математика, обществознание, физкультура и… природоведение. – Доктор Каллаган?

– Да?

Кик положила лист на стойку и пододвинула его к психологу.

– Тут в расписании нет ни одного естественно-научного предмета.

– Ну как же, – снисходительно улыбнулась психолог, будто Кик отличалась изрядной тупостью. – Вот, природоведение. Написано же. Будете настоящий вулкан на уроке мастерить!

– Я совсем не против вполне предсказуемого эффекта от гидрокарбоната натрия и уксусной кислоты, – сказала Кик и мысленно добавила: «Если уж решила помереть со скуки», – но можно мне, пожалуйста, записаться на нормальную химию. Химию или какой-нибудь другой предмет, где имеют дело с настоящими кислотами.

Не то чтобы Кик знала какие-то ещё предметы, на которых имели дело с настоящими кислотами, просто ей показалось, что надо проявить широту взглядов.

Доктор Каллаган застыла с открытым ртом и никак не могла найтись, что сказать, пока наконец не выпалила:

– У нас никогда не допустили бы учеников к настоящим кислотам! Ещё чего, ужас какой!

– Ужас только когда они проливаются, – попыталась вежливо возразить Кик, однако сохранять учтивость было всё сложнее.

– Ха-ха, ну Кик, детка, – натянуто рассмеялась бабушка. Она перекинула ридикюль на другое плечо, и на этот раз он не пискнул. Кик задумалась, стоит ей обрадоваться или встревожиться. – Ну с чего тебе просить о таком?

Кик с удивлением уставилась на бабушку. Если та и впрямь не знает, почему Кик просит себе химию, значит, она совсем куда-то не туда смотрела последние одиннадцать лет.

И сегодня утром тоже.

– С того, – с нажимом начала Кик, – что химия – это когда берёшь одно, к нему добавляешь второе, а получается что-то третье, совершенно новое. – Она подождала, что взрослые понимающе кивнут или поддакнут, но они не кивнули и не поддакнули, и Кик пожала плечами. – Мне просто нравится наблюдать за тем, что может выйти из моих рук.

Бабушка Миссури моргнула и душевно посмотрела на доктора Каллаган.

– Ох уж эти дети, ну разве не забава?

– Просто чудесные, – откликнулась доктор Каллаган, хотя ничего чудесного она здесь не видела – это Кик поняла ясно. И бабушка, очевидно, тоже поняла.

– Ничего, походишь на природоведение, как все, – сказала она внучке со вздохом.

– Х-химия. Подумать только. Вот уж чем никогда не занималась, – отчеканила доктор Каллаган.

И она ни на йоту не соврала, в этом Кик могла быть уверена. На самом деле, она была даже уверена, что существует целая уйма вещей, которыми доктор Каллаган никогда не занималась.

Однако к счастью для всех присутствующих, эту свою мысль она так и не успела озвучить, потому что в следующее мгновение распахнулась дверь инспекторского кабинета. Полуденное солнце озарило стоящих, и три узкие тени протянулись через стойку.

Кик – Кик, которая не верила в магию, духов и всякие там предчувствия, – вздрогнула.

3. Прорицание бабушки Миссури: «Беда придёт не одна – их будет три»

Доктор Каллаган обернулась. Слышно было, как в её голосе появилась улыбка:

– Девочки, привет!

– Здра-авствуйте, доктор Каллаган!

Три девчушки в похожих зелёных платьях, белоснежно улыбаясь, направились к стойке. Даже шли они в ногу.

– Девочки, – обратилась к ним доктор Каллаган, как только они подошли. – Это Кик Зимовер. Она у нас новенькая, так что познакомьтесь.

– Я Дженна Б., – сказала первая девочка.

– Я Дженна Г., – сказала вторая девочка.

– А я, – сказала третья девочка и выступила вперёд из троицы, – я Дженна Джейн.

Во всех школах, где Кик доводилось учиться, обязательно были такие вот Дженны. То есть звать их могли Эллами, или Лизами, или Анитами, но они всегда были одни и те же, и Кик без труда отличала их. Они одинаково одевались. Одинаково говорили. Они дружили только между собой.

Хотя иногда они и друг с дружкой поступали не очень-то по-дружески.

В любом случае, Дженны эти всегда были пупом земли и мир крутился вокруг них. Если они с тобой ладили – все с тобой ладили, и Кик решила когда-нибудь заняться изучением этого явления. Надо было понять, не делает ли их Дженнами особенный состав их жевательной резинки.

А если нет – то что же тогда?

И хотя такие девочки (вроде) и внушали ей ужас, всё же внутри у Кик (вроде) потеплело при виде их троих. Они так ей улыбались, будто хотели… подружиться.

«Не то чтобы мне было одиноко», – тут же подумала Кик, и затем подумала ещё раз и ещё раз, пока сама в это не поверила.

– Так, девочки, подождите минутку, – сказала им доктор Каллаган и повернулась обратно к Кик с бабушкой Миссури. – Твоей классной руководительницей будет миссис Флэгг. Она в шестом кабинете. Вот сюда по коридору.

Кик обернулась посмотреть, куда показала доктор Каллаган. Коридоров было всего два – вправо от входа и влево, и кабинет номер шесть находился в левом.

– Школа – лучшее время жизни, – добавила психолог, и её голос зазвучал низко и мрачно. Это напомнило Кик, как разговаривает бабушка, когда изображает духа, который вещает извне. Ни в том случае, ни в этом не впечатляло. – Лови каждую минуту, – продолжала психолог. – Начиная с восьми тридцати утра, ежедневно, кроме выходных. – Она легонько стукнула планшетом по столешнице и повернулась к Дженнам. – Ну что, девочки? Покажете мисс Кик нашу замечательную школу? Ей надо освоиться, где что.

Дженны кивнули, хвосты на затылках качнулись в унисон.

– С удовольствием, – прибавила Дженна Джейн, и сердечко у Кик ёкнуло. Дважды.

Дженна Джейн повернулась к Кик.

– Ну что, пошли?

– Э… ладно.

– Ты точно хочешь? – шепнула ей бабушка Миссури, и для бабули, которая ещё недавно причитала, как ребёнку не хватает друзей, у неё был что-то немного нервный вид. Она метнула взгляд на Дженн, повязывая белый шёлковый платок поверх своих кудрей а-ля Джоан

Кроуфорд. Ведь просто гонять мало, надо гонять стильно. – Потому что, если сомневаешься, можем поехать домой.

– Точно хочу.

– Ты найдёшь дорогу обратно?

Кик кивнула. Собственно, дорога из Скукотауна вела всего одна, и если просто идти по ней, то придёшь в Пустошь. А идти всего пару километров.

Впрочем, в Скукотауне всё в пределах пары километров. Что хозяйственный – личная коммерция мэра (совершенно убогий выбор растворителей). Что тутошний салон красоты, «На тот цвет» (вечно пахнет нашатырным спиртом и сигаретами). И уж тем более, универсамчик «Гримп-и-Майер» (найдётся всё, от наживки и снастей до консервов и очередного чучела белки для бабушки Миссури).

Бабуля наклонилась поближе.

– Мистер Джессап придёт в четыре. Мне надо… подготовиться.

Кик снова кивнула. В данном случае «подготовиться» означало у бабушки проверить настройки подрагивания стола на «ЭлектроМедиуме» и перепроверить, что леску точно не видно. Большинству людей для гадания по картам не нужно было ни того ни другого, но, как уже было сказано, у мистера Джессапа были свои представления о том, что такое мистический опыт, и, в частности, он любил, чтобы духи проявляли весь свой функционал.

– Всё со мной будет в порядке, – ответила Кик. Конечно, будет. Дженны (вроде) милые.

Но какой-то малюсенькой частичкой души Кик всё же надеялась, что впереди её ждёт нечто большее.

* * *

Вечером, оглядываясь назад на то, что произошло, Кик решила, что во всём виновата мама. Мамы вообще в этом плане очень годятся. Их можно обвинить в самых разных вещах, а в вещах вроде этой – и подавно.

В общем и целом, доктор наук Джорджия Зимовер считала, что жизнь полна «важных моментов», и часто повторяла дочери, что главное – их не пропустить. Иногда «важные моменты» – это возможности. Иногда – «поворотные события». А иногда – «досадные неудачи».

– Так или иначе, – говорила мама, – важные моменты – это такие, после которых что-то в жизни меняется. Только у каждого они свои, поэтому тебе надо научиться самой их определять. К счастью, у нас в семье ни у кого с этим проблем не было, и у тебя не будет.

Но Кик что-то не верилось.

– Откуда ты знаешь? Что, если у меня не получится?

– У тебя уже получается. Ты ловишь возможности и добиваешься большего – я тоже так делаю. Только в моём детстве все не просто смеялись над моей мечтой стать учёным – никто и вообразить не мог, чтобы такое было возможно в природе. Я же девочка. И потом, у нас было туго с деньгами. А когда люди представляют себе будущих учёных, разве о таком они думают?

– Видимо, нет? – неуверенно откликнулась Кик, надеясь, что не угадала.

– Нет, – сказала мама. – Им представляются какие-то учёные, которых они уже знают, вроде Эйнштейна, или Эдисона, или там Хокинга, но уж точно не кого-то вроде меня, так что мне пришлось ловить свои важные моменты и извлекать пользу из них.

Итак, важные моменты – если их правильно определить – могут повлиять на ход судьбы, и Кик была совершенно уверена, что этот важный момент она поймала правильно. Дженны приветливы, потому что хотят подружиться.

Разве нет?

Они показали Кик, где туалет, где библиотека, столовая и наконец – кабинет их класса. Миссис Флэгг обитала в правом коридоре за третьей по счёту дверью, которую украшали акварельные рисунки с цветочками и глянцевый постер с котёнком, свисающим с ветки.

Кик заглянула внутрь сквозь узенькое окошко в двери, стараясь делать вид, что не замечает, как Дженны на неё то и дело посматривают. Позже одинаковая одежда будет ассоциироваться у Кик разве что с детьми из ужастиков или, скажем так, типичными Дженнами, но пока она видела только их яркие платья с цветным принтом и жирное пятно на своём комбинезоне.

– Ну вот, – объявила Дженна Джейн, широко раскинув руки, и просияла в улыбке, словно выиграла в телевикторине. – На этом всё.

– Здорово, – сказала Кик. – Спасибо, что показали.

Ответ вежливый и, должно быть, правильный, потому что улыбка Дженны Джейн стала ещё шире. Настолько, что в уголках глаз собрались морщинки, а на щеках появились ямочки.

– А что это за имя у тебя, Кик? – спросила она.

С учётом того, как часто ей задавали этот вопрос, Кик не могла не сознавать, что давно пора заручиться готовым ответом, но пока готового ответа она не знала. А знала только то, что больно длинная, худая и слишком любит химию, а когда человек длинный, худой и любит химию, то его частенько норовят запереть в гардеробе или искупать в унитазе.

Хотелось думать, что если у тебя хлёсткое прозвище вроде Кик, то идея поступить с тобой одним из упомянутых способов уже не покажется такой привлекательной.

Но молчание затянулось, и Дженны выжидательно мерили Кик взглядами, ощупывая её глазами от кед до лица.

– Просто имя такое, – сказала в конце концов Кик. – Мне нравится.

Дженны переглянулись. В их взглядах читалось: «Ну и тупость» или скорее «Стрёмная девчонка». Что бы ни было ближе к истине, под мышками у Кик образовалось по болотцу.

– А эта, как её, Миссури, – медленно продолжила Дженна Джейн, накручивая локон на палец. – Реально твоя бабушка?

Кик кивнула.

– Вау, – протянула Дженна Джейн. – Знаешь, у нас в городе вообще все считают, что ваша семья особенная.

– Очень особенная, – поддакнула Дженна Б.

Дженна Г. хихикнула.

– Ага, моя мама так говорит: это ж кем нужно быть, чтобы днём такие «туалэты» носить, как мисс Миссури.

– Или шали, как у мисс Миссури, – добавила Дженна Джейн.

– И ещё, что у неё есть дочка, которая колесит по всему свету, лишь бы её заметили, – продолжила Дженна Б. Девочки постепенно окружали Кик, и она уже чувствовала вишнёвый запах их жвачек. Раньше ей казалось, что они на вид совсем одинаковые, но теперь стали видны различия: у Дженны Г. из-под слоя пудры проступали веснушки, у Дженны Б. на зубах отпечатался блеск для губ, у Дженны Джейн оказались и слой пудры, и блеск для губ на зубах. Зато глаза у них горели одинаково.

– Ну и потом, Каролина, – вяло протянула Дженна Джейн, будто добавить тут особо нечего – и, пожалуй, здесь она была права. Глядя Кик прямо в лицо, она продолжила: – Прямо кого ни возьми – все такие… особенные.

Кик подняла подбородок.

– Да, у нас все особенные.

– Да ладно? А ты чем особенная?

Кик задумалась. Она могла бы ответить, мол, её особенность в том, что она хорошо знает химию, или в том, что у неё такие родители, которые ещё больше знают, но это вряд ли произвело бы на Дженн впечатление. Опыт подсказывал, что впечатление на Дженн и им подобных

производили исключительно поп-звёзды, прикольные парни и топ-10 поистине удивительных фактов.

И в этот момент где-то на подкорке у Кик созрела идея – точно давно ждала своего часа: вот было бы удивительно, если бы оказалось, что она, Кик, – экстрасенс.

К слову, с профессией она прекрасно знакома. За бабушкой ведь не первый год наблюдает.

«Нет, не могу, – подумала Кик и ужаснулась собственной идее. – Не могу. Наверное…»

– Эй, алё! Ты что, оглохла? – окликнула её Дженна Джейн, и Дженна Г. с Дженной Б. хихикнули.

– Моя особенность в том, что я хочу стать учёным, – сказала в конце концов Кик. Это была правда, и хотя бабушка Миссури всегда говорила, что правда раскрепощает – а это была самая правдивая правда, какую Кик успела сказать с момента появления в Скукотауне, – всё же никакого раскрепощения к ней не пришло. Наоборот, под пристальными взглядами трёх Дженн Кик прямо-таки приросла к полу.

– М-да. Удачи, – хмыкнула Дженна Г.

– Да уж, – поддержала Дженна Б.

Дженна Джейн только слегка улыбнулась, но от этой улыбки у Кик мурашки по коже забегали.

– Де-вочки-и? – донёсся до них из конца коридора голос доктора Каллаган, и все четверо оглянулись. Школьный психолог стояла у зеркального шкафчика с наградами и одной рукой поправляла шляпку с цветами – с другой у неё свисала сумка. – Мне пора закрываться. Может, покажете Кик площадку для игр?

– Коне-ечно, доктор Каллаган! – хором ответили Дженны.

– Тогда до завтра! – помахала им доктор Каллаган.

– До за-автра, доктор Каллаган! – сладко пропели Дженны в ответ, хотя и с унылыми лицами.

«Не хотят они мне никакую площадку показывать, – поняла Кик, и внутри что-то оборвалось, а затем ухнуло вниз. – Бабуля реально права. Людей можно понять получше, если внимательно присмотреться».

Только смотреть-то ей больше совсем не хотелось.

4. Прорицание бабушки Миссури: «Впереди тебя ждёт новое начинание»

Понедельник наступил неимоверно быстро. Кик всегда терпеть не могла первый учебный день: сплошное расстройство, если учесть, сколько таких вот дней ещё ждёт впереди.

Вообще-то учёным положено любить учёбу, и Кик любила. Честно. Просто это не очень-то кайфово, когда у тебя опять новое расписание, новые одноклассники и все вокруг друг друга знают, а ты не знаешь никого.

Точнее, на этот раз она знала Дженн и Каролину, но это не особенно облегчало задачу.

Совсем не облегчало.

– Кик? – на лестнице послышался стук бабушкиной трости. Рамка с Фиггисом свалилась со стены и грохнулась на кровать. Кик уставилась на фото. Фиггис даже вверх ногами выглядел голодным. – Кик, смотри не опоздай!

Отличная идея, подумала Кик, но тут же представила, как заходит в полный класс, где уже идёт урок. Нет уж, пожалуй, достаточно того, что начинаешь учёбу на две недели позже остальных.

– Иду! – завопила она в ответ, заставила себя вылезти из кровати и потянула с пола комбинезон. Комбинезон пах бабушкиными благовониями, что-то вроде сандалового дерева и свежего грунта, и в носу зачесалось. Кик поочерёдно сунула ноги в кеды и решила потратить пару минуток на то, чтобы проверить, как там проходит её последний эксперимент – светящийся лизун.

Лизун застывал в шкафу, и, похоже, выходило очень даже неплохо. Во всяком случае, по меркам Кик. Она ещё разок заглянула в свой многострадальный лабораторный блокнот проверить, что ничего не упустила. Вычитывать слова между подпалинами становилось всё сложнее.

Конечно, учёный помельче мог бы резонно заметить, что светящийся лизун не так уж далеко ушёл от вулкана из гашёной соды, но учёным помельче ведь не приходится сооружать запасную химическую лабораторию в собственном шкафу. Строго выражаясь – а именно так Кик всегда предпочитала выражаться, – ей вообще теперь не положено ни с чем экспериментировать, а уж тем более отстаивать лизуна, однако наука требует жертв.

Отсюда лаборатория в шкафу. Когда-нибудь Кик опишет в своих мемуарах, почему шкаф – не лучшее место для ведения научной работы. Места не хватает, ставить всё некуда, а главное, есть некоторое подозрение, что ковёр в комнате легковоспламеняем.

Кик щёлкнула выключателем, и комната вместе с тесным шкафом погрузилась в темноту. Лизун засветился инфернальным зелёным цветом.

«Класс», – подумала Кик и спустила с полки горелку Бунзена на пол, чтобы было где писать. Пожалуй, кое-какой плюс – один – у шкафа был. Кик стянула свой блокнот с комода, служившего ей рабочим столом, и отметила дату (9 сентября, понедельник), время (7 часов 23 минуты) и цвет состава (ближе к рвотно-зелёному). Полюбовавшись формальной точностью, она закрыла лабораторный блокнот. Когда вернутся родители, они смогут просмотреть все эксперименты, которые Кик проводила в их отсутствие, и прочесть её проекты следующих опытов.

Они будут так ею гордиться.

Довольная ходом эксперимента с лизуном, Кик сунула блокнот под мышку, включила обратно свет в комнате и захлопнула шкаф. Бабушка Миссури страдала болью в колене и наверх никогда не поднималась, но Кик на всякий случай завалила двери шкафа ворохом грязной одежды и отступила на шаг назад полюбоваться своей работой.

– Ну и свинарник, – довольно улыбнулась она и поскакала вниз. На завтрак в Дольней Пустоши принято было подавать сырную мамалыгу и овсянку с мёдом. Обычно это значило, что место у плиты прочно занято бабушкой Миссури и в кухне стоит дым коромыслом.

Однако сегодня это значило хлопья с молоком и необходимость бочком обходить дыру в полу.

Строго говоря, дыра была накрыта. Бабушка заколотила её куском клееной фанеры, но Кик всё-таки осторожно протиснулась вдоль краёв заплатки. Не хватало ещё провалиться в дыру и отправиться в школу, воняя болотом, как Фиггис.

Она насыпала себе в миску пшеничных подушечек и основательно принялась за еду, вслушиваясь в бабушкино тук-тук-тук в приёмной зале. Что-то тут было нечисто. Так рано бабушка Миссури клиентов никогда не принимала, и потом…

Дзинь! Дз-з-зинннь!

Звонят в дверь! Сердце Кик подскочило, как ртутный столбик в термометре. Мама? Папа? Кик метнулась вон из кухни.

Дзинь! Дз-з-зинннь!

Кик припустила. Как следует.

О-ой-й!

На полной скорости она ступила на коврик в прихожей, и тот заскользил под ногой. Кик шмякнулась локтем о стену, коленом угодила в Сесила – бабушкино чучело медведя. С медведя свалился цилиндр. Батлер заверещал, Кик рухнула на пол. Перед глазами на пару секунд застыла пыльная люстра, а в голове пронеслось что-то вроде «сломанный копчик». Боль дикая.

И это были не родители.

С порога в прихожую шагнула её кузина, Каролина Фрипорт, и Кик отползла в сторону.

– Привет, Каролина.

– Здорово, – кивнула та. – Опять всё вокруг разнесла?

– Не опять, а только раз, и – нет. – В обычных условиях Кик нашлась бы что ответить получше, но её внимание на мгновение отвлекло Каролинино платье. Может, и не на мгновение. «Вот это расфуфырилась», – подумала Кик.

Потому что сестра расфуфырилась.

В такой пышной юбке кузина казалась в ширину больше, чем в высоту, – а это кое-что да значило, с учётом того, что Каролина была такая же худая и длинная, как и Кик. Белая в полоску блузка, белоснежные гольфики с рюшами и розовая юбка – таков был её наряд. Только юбка была не просто розовая, а ядовито-розовая, вроде сгустка сахарной ваты или свежего ожога от борщевика.

Короче говоря, перед Кик стояла типичная дочь тёти Эли. У тёти Эли, адвоката по профессии, была очень напряжённая работа, и своё напряжение она выплёскивала, наряжая Каролину.

«Похоже, совсем аврал на работе», – решила Кик.

Кузина сощурилась.

– Чего пялишься?

– Ой, тут есть на что…

– Можно подумать, меня волнует мнение человека, для которого комбинезон – это писк моды.

– Не просто комбинезон, а рабочий костюм, который к тому же позволяет одеться на раз-два. – Тут Кик не преувеличивала. Она ценила свой комбинезон в первую очередь за простоту в надевании. Правда, никого в это особо не посвящала, потому что вряд ли бы кто оценил.

– Что, уже ссоритесь? – В конце коридора возникла бабушка с бигуди в волосах. В щёки она втирала какой-то крем. – Скоро вам хочешь не хочешь придётся поладить.

«Вот уж дудки», – подумала Кик, но спорить предусмотрительно не стала.

– Что это ты делаешь? – спросила она у бабушки.

– По-твоему, вся эта красота, – бабушка Миссури взмахнула рукой, обводя жестом отороченный искусственным мехом халат, щёки в креме и бигуди в волосах, – даётся сама собой?

– Видимо, нет? – рискнула предположить Кик, но больше из вежливости, искренне – искренне – надеясь, что подробностей она не услышит.

Бабушка затянула пояс халата потуже и указала в сторону громадной картонной коробки белого цвета, стоявшей на полу.

– Помогите-ка мне лучше затащить посылку в приёмную залу, пока вы ещё и об неё обе не споткнулись.

Каролина осталась стоять у двери и наморщила носик.

– Мама говорит, я не должна потворствовать тебе во лжи и мошенничестве, ба.

– Ну, в этом я и не прошу мне помогать. А прошу только помочь с новым кристальным шаром. Он тяжёлый. А что там говорит твоя мама насчёт того, чтобы не дать пожилой женщине заработать грыжу на межпозвоночном диске?

– На межпозвоночном чём?

– Помогите перенести шар, – потребовала бабушка Миссури. – А не то сглажу.

Каролина метнулась к коробке.

– Так-то лучше, – проворчала бабушка. Втроём они подсунули пальцы под коробку и рванули вверх. Для сельца из одного дома в Дольнюю Пустошь доставляли уйму посылок. Иногда из винтажного бутика одежды в Атланте, где бабушка заказывала свой роскошный гардероб. Но обычно из заведений вроде «Позолоченной ручки».

«Сегодня – как обычно», – решила Кик, быстро узнав наклейку отправителя.

Они повернулись, протащили коробку по коридору и втиснулись с ней в приёмную залу. Как и во всём остальном доме, здесь были деревянные полы и массивная белая лепнина. Только в отличие от всего остального дома, здесь стены бабушка покрасила в небесно-голубой, низкие кресла завалила шёлковыми подушками, а у двери поставила кассовый аппарат.

– Ложь и мошенничество? – переспросила бабушка, поправляя сползший чепец, и с раздражением смерила Каролину взглядом. – Деточка, да будет тебе известно, что как раз лгать мне не приходится. Вся суть человека всегда у него на виду. Надо просто уметь её увидеть, а я умею, и Алабама это прекрасно знает.

Для Кик Алабама всегда была тётей Эли, в редких случаях – Занозой в Мягком Месте, потому что именно так её называла Джорджия, мама Кик. У тёти Эли на всё было своё мнение, и хотя ни одно из этих мнений мама Кик не разделяла, обе они были обязаны разделить старую семейную традицию, как называть детей. Своих дочерей бабушка Миссури назвала в честь штатов Америки, потому что так своих дочерей назвала её мать, а традиция есть традиция.

Была традиция, пока Джорджия не назвала свою дочь Кэрис.

А Кэрис не переименовала себя в Кик.

Бабушка Миссури распахнула коробку и принялась в ней копаться, мыча себе под нос что-то, далёкое от мелодии. Каролина и Кик быстро переглянулись. Обычно, когда бабушка начинала вот так мычать под нос, у неё в голове складывался план. И иногда отличный.

А иногда не очень.

Каролина отряхнула ладони о юбку.

– Всё, можно идти?

– Идите-идите, – проворковала бабушка Миссури, срывая с коробки остатки упаковки. – Не дайте моей лжи и мошенничеству вас задержать.

Каролина закатила глаза.

– Ну, ты готова? – спросила она Кик. – Мне положено тебя до школы проводить.

– Я думала ехать на автобусе.

– Нет у нас никакого автобуса. В Скукотауне жителей и пяти сотен не наберётся, забыла? Пошли, покажу тебе короткую дорогу.

Кик почувствовала непреодолимую тягу картинно вздохнуть. Судя по выражению лица, Каролина испытывала примерно то же, но отступать она не собиралась – вероятно потому, что на ней лежала некоторая обязанность. Если Джорджия проявляла настойчивость по части «важных моментов», то тётя Эли упирала на то, что каждому «положено». Вроде ничего теория, пока не осознаешь, что, например, для Каролины ты и есть то, что «положено». А от этого осознания в душе один стыд и раздражение – и ещё, пожалуй, чуть-чуть благодарность, потому что одной идти в школу Кик совсем не хотелось.

А от этого в душе возникло ещё большее раздражение.

«Ну и ладно. По фигу». Кик ринулась в коридор собирать рюкзак. Каролина поплелась следом и принялась наблюдать, как сестра запихивает в ранец новенький пенал, новёхонькие папки и старый драный блокнот.

– Это ещё что? – тут же спросила Каролина.

– Блокнот.

– Это я поняла, но он жуткий и разваливается на куски. Почему ты его не выкинешь?

«Потому что его подарили родители», – хотела сказать Кик. Потому что в нём были все опыты, которые она однажды поставит.

– Потому что это мой любимый, – сказала она, и это тоже была правда. – Не указывай мне, что делать.

– А ты быстрей давай собирайся, мне и не придётся, – парировала Каролина и закинула розовый рюкзачок на плечо. – Я же не хочу опоздать.

Кик тоже не хотела. Её и так тошнило, совсем как в тот раз, когда они с мамой полетели на самолёте, не позавтракав. Ничего хорошего это не сулило. Ладно «новенькая», но если её вырвет прямо в первый же школьный день на глазах у всех, она будет ещё и «лошарой».

Кик натянула рюкзак на плечи и вслед за Каролиной протопала на выход.

– Пока, бабуль!

– Хмм, хмм! – откликнулась бабушка Миссури, что должно было означать: «Пока, Кик!», однако также могло значить: «Дурацкий кристальный шар!» Точно разобрать довольно затруднительно, когда откликаются, опустив голову в коробку.

Каролина шагнула на улицу, и зелёная дверь хлопнула за её спиной.

– Быстрей давай! – раздалось снаружи.

Кик поспешила за ней.

5. Прорицание бабушки Миссури: «Проклятие грядёт. Следует готовиться к худшему»

Ждать Каролина не собиралась. На улице стояла такая влажность, что воздух казался густым, как мыло, но она побежала вперёд сломя голову.

И бежала, не останавливаясь.

Кик мчалась следом. Окружённая облаком развевающихся рюш и ленточек, Каролина продержалась впереди на шатком Пустошном мосту, но, когда они миновали любимую запруду Фиггиса, Кик нагнала сестру. На пыльной тропинке, ведущей к такой же пыльной дороге, Каролина снова ушла вперёд.

Девчонки перебежали дорогу и помчались по короткому пути – тропке вдоль края болота. Вокруг пронзительно стрекотали сверчки, и высокие травы качались под дуновениями горячего ветерка. Правда, девчонкам, понятное дело, было не до того. Они мчались со всей прыти в сторону небольшой полянки, которая выходила к улице, ведущей к школе.

Почти-почти-ещё-чуть-чуть! Кик забарабанила ногами что было сил. Вдруг Каролина вцепилась ей в локоть и, упершись пятками в скользкую грязь, протащилась несколько метров, пока обе не встали на месте в тени серебристого клёна.

– Осторожно! – выдохнула Каролина. – У тебя шнурки ра… развязались.

– Да где, всё завязано!

– А, упс! Ошибочка вышла. – И Каролина согнулась пополам, схватившись за бок. – Ну вот видишь, я просто о тебе позаботилась. А так я бы точно выиграла. Ты совсем выдохлась, это видно.

– Ничего я не выдохлась! – соврала Кик, изо всех сил стараясь не пыхтеть так громко. Бабушка Миссури частенько говорила, что Кик надо больше играть на улице и меньше возиться со своей химией. Возможно, она была права. С другой стороны, бабушка Миссури говорила, что сёстры должны ладить, в то время как Кик пребывала в абсолютной уверенности, что ладить с Каролиной – даже сугубо теоретически – невозможно.

– Пофиг, – бросила Каролина и выпрямилась, втянула носом воздух и зачастила по травянистому берегу. Близился конец короткого пути, и они вышли на трёхполосную улицу. Каролина повернула влево и гордой поступью зашагала прочь, только розовая юбка затрепалась вокруг колен.

Ворча и ругаясь, Кик последовала за ней.

Общеобразовательная школа города Скукотауна ютилась среди пышных дубов, и, хотя день ещё только начинался, Кик очень обрадовалась, завидев тенёк. Жаркий воздух дрожал над землёй. Мимо промчалась стайка детей, взъерошив хрупкие пики травы. Впереди показалась школьная решётка, тонкая и острая. Каролина встала как вкопанная, развернулась кругом – да так резко, что Кик в неё чуть не врезалась.

– Что такое? – запыхавшись, выдавила Кик.

Но Каролина на неё даже не посмотрела. Её руки сжимали лямки рюкзачка с такой силой, как будто она боялась оторваться от земли, а глаза шарили в толпе детей. Она вроде стояла на месте, но мыслями витала где-то далеко – где угодно, только не здесь. У Кик упало сердце: она знала, что значит этот взгляд. Знала слишком хорошо – потому что слишком уж часто застывала с таким же вот взглядом её мама.

– Слушай, – произнесла наконец Каролина, задумчиво поковырялась в ногтях, бросила, но тут же принялась покусывать верхнюю губу. – Слушай, ты, конечно, извини, но надо, чтобы мы зашли внутрь порознь.

Кик заморгала глазами.

– Почему?

– Потому что я не хочу, чтобы меня видели с тобой. У меня и так бабушка сама знаешь кто, а Дженна Джейн уже всем растрезвонила, какая ты стрёмная.

– Когда она… – но Кик не договорила. Вряд ли она хотела знать, когда Дженна Джейн успела. А может, и хотела. Может, пора было осваивать искусство сплетен. Последние, судя по всему, распространялись быстрее света, то есть, согласно научным познаниям Кик, обладали какой-то нереально высокой скоростью, но с другой стороны, возможно, вовсе и не были такими уж быстрыми.

– Ты извини, – повторила Каролина, уткнувшись взглядом в землю. – Просто… мне тоже нелегко, и не хотелось бы всё ещё больше усложнять. В общем, потом увидимся, ладно?

– Ладно. – Только это было совсем не ладно. Кик встала под раскидистым дубом и проводила взглядом сестру, пока та не растворилась в толпе перед входом. Дети постарше носились туда-сюда парами и тройками, а мелкие копошились гурьбой на площадке перед крыльцом, но на Каролину никто не обратил внимания.

Может, этого она и хотела?

А чего хотела Кик, она и сама не знала – хотя нет, пожалуй, догадывалась. Она хотела, чтобы этот учебный год прошёл иначе. Очевидно, с Дженнами уже не задалось, но настоящего учёного, как известно, одна неудача не остановит.

«Если результат неудовлетворительный, значит, нужен другой подход», – отчётливо прозвучал в голове папин голос, и Кик расправила поникшие было плечи. Он всегда так говорил, если видел, что эксперимент провалился или высказанная гипотеза не оправдалась. И для него это работало. Значит, и для Кик сработает.

Наверно.

Может быть.

«Обязательно сработает», – сказала себе Кик и направилась прямиком к школьной калитке из тонких и острых прутьев, за которыми носились ребята.

Внимания они обратили на Кик ровно столько же, сколько чуть раньше на Каролину. Кик круто забрала влево, чтобы не налететь на мальчика, с усердием давившего ногой муравьёв, затем нырнула вправо, огибая девчонок, прыгавших через верёвочку. Одна из них глянула было на Кик, но ничего не сказала и только продолжила напевать считалочку в такт взмахам верёвки:

Раз, два, три, четыре, пять!
Век закончился опять.
Снова пять, шесть, семь и восемь!
Запах Леты ветер носит.
Снова восемь, девять, десять!
На болоте воют бесы.
Снова десять, девять, раз –
Облик монстров ждёт и нас!

Кик озадаченно сдвинула брови. Запах лета? Какая-то особая эссенция, что ли?..

Прямо у неё перед носом в воздухе проплыл огромный блестящий мыльный пузырь. Он был такой красивый, что у Кик на мгновение перехватило дыхание. А потом она сама его задержала, потому что пузырь ещё и вонял. Жутко вонял.

На Кик упала чья-то тень. Какого-то мальчика.

Очень большого мальчика.

Мальчик сунул палочку для выдувания пузырей в баночку с раствором и наклонился к Кик.

– А-га-а, кто это тут у нас?

Кик помедлила. Друзей, конечно, хотелось. Неужто будет так просто?

– Э-э… привет… дружок.

Поросяче-розовые веснушки мальчика раздвинулись – лицо растянулось в улыбке.

– Позволь предложить тебе счастливую монетку. Как известно, столетие на исходе, и Проклятие вступает в силу. Имея такую счастливую монетку, ты будешь защищена от всякого зла, в том числе проклятий, первоклашек и прочего.

Внутри у Кик всё осело.

– Не бывает никаких проклятий.

– А-а. Ты, похоже, тут новенькая. Ну так давай объясню. Раз в сто лет все дети Скукотауна…

– Да знаю я эту байку. Враньё это всё.

– Нет, не враньё. И я предлагаю тебе защиту всего за один доллар.

Кик чуть не захлебнулась.

– Доллар! За мелкую монетку!

Продавец оберега – про себя Кик уже успела окрестить его Торгашом – выпрямился. Вместо бровей у него были широкие чёрные полосы, и сейчас одна из них выгнулась в дугу.

– Наценка идёт за счёт благословения на удачу – монетка же сама по себе приносить ничего не будет. С ней надо работать, знаешь ли, я же должен эту удачу в неё как-то вселить. – Он метнул взгляд через плечо, будто высматривая учителей. – И потом, наценка покрывает мои риски.

– Не нужна мне никакая счастливая монетка.

– Ну как хочешь. – И парень, слегка усмехнувшись, оглядел её презрительным взглядом. – Может, в образе монстра ты поприятнее будешь.

– Вполне может быть, – заключила Кик и, гордо подняв голову, направилась прямиком к школе.

6. Прорицание бабушки Миссури: «Я вижу впереди большую ошибку»

В шестом кабинете было полно народу. Ребята сидели на партах, толпились в проходах, переговаривались через весь класс и поверх чужих голов – но никто не сидел на своём месте.

Никто, кроме Каролины. Она сидела смирно у окна. Судя по всему, здесь все садились куда хотели, и Кик заняла место в противоположном конце класса у стены. Обе сестры сделали вид, что друг друга не видят.

Впрочем, вокруг творилась такая суета, что они почти и не видели. Кик достала пару чистых тетрадок, свой старый потрёпанный блокнот и пенал. Потом устроилась так, чтобы блокнот поместился на коленях. Никогда не знаешь, когда в голову придёт очередная гипотеза. Лучше всегда быть наготове.

Бр-р-р-рын-н-нь!

Кик вздрогнула. Звонок в этой школе ревел, как Батлер, если прищемить ему дверью хвост.

– Ну привет. – У парты Кик затормозила Дженна Г. Сегодня на ней красовалась ярко-розовая футболка с блестяшками. – А я как раз про тебя вспоминала.

У Кик по спине пробежал холодок, но она постаралась придать своему голосу беспечный тон.

– Да?

Из-за плеча Дженны Г. выглянуло личико Дженны Б. На ней тоже была розовая футболка, только без блестяшек.

«Да тут мода на розовый», – подумала Кик.

– У нас по пятницам тусовки у Дженны Джейн. С ночёвкой, – продолжила Дженна Г. – Всегда очень круто. Может, тоже придёшь?

У Кик внутри всё встрепенулось.

– Я, э…

Девочки расступились, и вперёд вышла Дженна Джейн. На ней была самая розовая и самая блестящая футболка.

– Дженна Джейн, как думаешь? – спросила Дженна Г., и её хвост на затылке запружинил. – Пусть Кик тоже приходит?

Дженна Джейн окинула Кик взглядом с головы до ног, затратив на это ровно столько времени, сколько потребовалось Кик, чтобы мысленно оттарабанить «пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста», и, наконец, накрашенные губки слегка растянулись в тонкой улыбочке.

– Ещё чего.

От этого приговора на Кик разом нахлынуло полное опустошение. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не произнесла ни звука. Даже вдохнуть не получилось.

Это только рассмешило Дженн.

– Доброе утро, ребята!

Дженны захихикали и скользнули на свои места позади Кик, ближе к концу класса. Кик прижала ладони к парте, чтобы унять дрожь в руках, пока мимо по проходу пробиралась вперёд учительница. У миссис Флэгг были блёклые светлые волосы, мягкое пузико, выпиравшее вперёд из-под платья, и такая усердная улыбка на лице, что глазам на этом лице было уже тесно. Дойдя до своего стола, учительница повернулась к классу, сощурилась ещё больше и спросила:

– Ну что, дети, вы готовы начать этот потрясающий день?

– Да, миссис Флэгг! – хором грянул весь класс.

Весь, кроме Кик. Та неотрывно следила за Торгашом, который мастерски поигрывал в пальцах одной из своих якобы счастливых монеток.

Миссис Флэгг растянула улыбку ещё чуть-чуть, и её взгляд заскользил по головам, пока наконец не остановился на Кик.

– Вот ты где! Кэрис Зим…

– Кик.

Учительница хлопнула глазами. Двумя пальцами поправила очки, поднесла к носу список и сощурилась в него.

– Ах, да-да, Кик, вижу-вижу.

«Что-то сомнительно, что вы что-то видите», – подумала Кик, судя по тому, как учительница продолжает то и дело прижимать очки к переносице. Но вслух она этого не сказала. Оглядев миссис Флэгг, она заметила на синем платье пару налипших алых ниток, а на большом пальце пятна клея и задумалась, какой бы вердикт вынесла, исходя из этих деталей, бабушка Миссури.

«Чтобы быть экстрасенсом, – говаривала ей частенько бабушка, не забывая подпускать нотки таинственности в голос, – надо научиться извлекать правду о человеке, который сидит внутри, но проявляется снаружи – знай только смотри повнимательнее».

«Похоже, любит творчество и рукоделие», – решила Кик.

Учительница встала у доски и сложила ладошки.

– Ребята, у нас в классе новенькая. Прошу любить и жаловать, Кик Зимовер.

Никто ничего не ответил, но это, похоже, ничуть не смутило миссис Флэгг. Она повернулась к Кик, улыбнулась ещё шире и спросила:

– Не хочешь выйти перед классом и рассказать что-нибудь о себе?

«Легче облизать раскалённую горелку», – подумала Кик, но вслух опять ничего не сказала. В конце концов миссис Флэгг не по своей инициативе спросила. Уж наверняка это где-то у всех учителей прописано, что новеньких надо просить рассказать о себе, а как наглядно показал последний эксперимент, если что-то прописано, это надо делать.

– Давай, зайка, – подстегнула её миссис Флэгг. Сзади кто-то гоготнул – кто-то, очень и очень похожий по звуку на Дженн.

«Давай, иди», – приказала себе Кик. Она нехотя поднялась с места и потащилась по проходу. У доски оказалось ещё хуже. Кик уставилась на ребят. На неё уставился весь класс.

Весь, кроме Каролины. Каролина уставилась в пол и так напряжённо застыла, словно вокруг летала оса.

Или словно творился какой-то кошмар.

«Так и есть», – подумала Кик и прочистила горло.

– Гхм, меня зовут Кик Зимовер, и… – «И я люблю химию»? «И я провожу эксперименты»? «И я буду записывать за вами все ваши странные повадки, чтобы потом как-нибудь получше их изучить»? Ничего из этого сказать вслух, конечно, было просто невозможно, откуда неизбежно следовало, что только это и крутилось в голове.

– Да-да, зайка, мы слушаем, – проворковала миссис Флэгг и слегка наклонилась к Кик, отчего ключи, висевшие у неё на шнурке вокруг шеи, звякнули и качнулись вперёд. – Не торопись. Нам очень интересно всё, что ты нам расскажешь.

– Ага, – вставила Дженна Джейн, – Давай, расскажи нам, какая ты у нас особенная.

Вокруг захихикали, и учительница с беспокойством оглядела класс. Очевидно, она даже не догадывалась, что Дженна Джейн издевается. Равно как и не догадывалась, что именно Дженна Джейн имела в виду под словом «особенная».

А вот Кик догадывалась, и от этой догадки у неё тряслись колени.

Миссис Флэгг улыбнулась Кик.

– Ну же, детка.

Кик глубоко втянула воздух и вдруг поймала себя на том, что опять пялится на заляпанные клеем руки учительницы.

– Итак? – протянула учительница, и улыбка её стала напряжённой. Она явно начинала волноваться.

«Зато теперь я не одна, – подумала Кик, у которой пот градом по спине катился. Надо было решить: отступать или нападать. – Если результат неудовлетворительный, нужен другой подход».

А значит, если уж Дженна Джейн собралась выставить Кик особенной, то надо и впрямь стать особенной.

Кик вздёрнула подбородок.

– Меня зовут Кик Зимовер, и я экстрасенс.

7. Прорицание бабушки Миссури: «Со щитом, детка, или на щите»

Миссис Флэгг выпучила глаза.

– Ну-ну, детка, давай не будем сказки рассказывать…

– Стойте! – вскрикнула Кик и резко прижала тыльную сторону ладони ко лбу – ровно так, как на её глазах сотни раз делала бабушка Миссури. – Мне послано видение! Я вижу… – Она уронила ладонь и с прищуром взглянула на учительницу. – Я вижу вас в окружении чего-то… блестящего? Да, блестящего! Как золото на солнце. Как алмазы в прозрачной воде.

В классе опять гоготнули, и Кик готова была поклясться, что этот кто-то был Дженна Джейн. Она сильнее сосредоточилась на миссис Флэгг.

– Вы творческая личность?

– Ну, так уж и творческая… – пробормотала учительница, краснея до кончиков ушей. – Так, вожусь, бывает, со всяким… Рукодельничаю, в общем.

Кик уставилась на неё, и внутри затрепыхалось новое чувство. Радость? Волнение? Трудно сказать. Возможно, даже ликование. Ведь она угадала. У неё получилось, и это принесло блаженство, а закрепили эффект пара-тройка восторженных возгласов, пробежавших по классу.

Кик мельком глянула на одноклассников и заметила, что лица кое у кого из девчонок изменились. Раньше их взгляды скользили по ней, словно она была мебелью. А теперь они смотрели на неё, как на кого-то… особенного.

Кик протянула руку и дотронулась до рукава миссис Флэгг, как это всегда делала бабушка Миссури, когда клиент выдавал какую-то информацию о себе.

– Вам обязательно стоит продолжать, миссис Флэгг. Очень важно следовать своим увлечениям.

– Правда? – Глаза учительницы за стёклами очков расширились и слегка увлажнились, и Кик заколебалась. Внезапно во всём этом проступило что-то не то. Похоже, та ерунда, что она несла, действительно многое значила для миссис Флэгг.

– Конечно, – в конце концов сказала Кик. – Это особенно важно для вас самой.

И тут она не солгала. Ей вдруг захотелось рассказать миссис Флэгг, как для неё важны её занятия химией и экспериментами и как она понимает чувства миссис Флэгг, но не стала этого говорить. Химия ей много друзей не прибавила, а вот с экстрасенсом ещё могло что-то получиться. В первом ряду ей уже улыбались две девочки, и Кик не устояла, улыбнулась в ответ.

– А в мистическом плане, ну, для духов, это тоже важно? – шёпотом спросила миссис Флэгг.

Кик закусила нижнюю губу. Похоже, дело зашло слишком далеко. Но что поделать, сказала бы ей бабушка Миссури, сказал «А» – говори «Б»…

– Разумеется, – ответила Кик. – Очень важно.

– А почему? – раздался голос с задней парты. Голос принадлежал мальчику со сросшимися бровями. – Какая духам разница?

– Кэш, помолчи, – оборвала его миссис Флэгг, не отводя взгляда от Кик.

– Но…

– Я сказала, помолчи!

Кэш тут же умолк. Умолк и весь класс. Все, очевидно, с нетерпением ожидали от Кик итогового прорицания, которого… м-да, у неё не было. Обычно в этом месте бабушка Миссури спрашивала у посетителя, как он хочет расплатиться – наличными или чеком.

– Творчество приносит вам радость, так? – спросила Кик.

Миссис Флэгг поспешно кивнула:

– Да-да.

– Тогда вам необходимо продолжать.

– Обязательно! Ещё что-нибудь?

Кик наморщила нос, пытаясь сообразить, что бы ещё такого сказать покруче, и вдруг осознала, что миссис Флэгг больше не требует, чтобы Кик рассказывала о себе; она хочет, чтобы Кик говорила ей о мистическом. Кик передёрнуло.

– Н-ничего.

– Что ж, это было потрясающе, – сказала миссис Флэгг и захлопала в ладоши. Немного поколебавшись, сидящие в классе присоединились к аплодисментам. Торгаш счастливыми монетками хлопал, наверно, громче всех. – Просто невероятно, Кик Зимовер. Уверена, твоя бабушка очень тобой гордится. Садись, пожалуйста.

Высоко подняв голову, Кик прошествовала на своё место и поскорей скользнула за парту, еле удерживая дрожь в липких руках и ликование в переполненной груди. Миссис Флэгг затянула что-то про доклады и домашнее задание, про то, что они будут проходить в этом месяце, но её никто не слушал.

Слева от Кик ей улыбалась какая-то девочка, а справа ей помахал мальчик. Ребята, которые сидели впереди, непрестанно оборачивались и бросали на неё взгляды, а ребята, которые сидели сзади – что ж, их Кик не видела, но затылком чувствовала, что они на неё смотрят. Ею заинтересовались все.

Все, кроме Каролины. У той на лице было написано такое же отвращение, как у Дженны Джейн.

Кик не стала обращать на них двоих внимание, что оказалось необычно просто теперь, когда впервые за всю её сознательную жизнь окружающие проявляли к ней неподдельный интерес.

Жаль только, что недолго.

* * *

Из всех первых дней учебного года этот был, наверное, самый классный. После такого начала Кик стало казаться, что шестой класс пройдёт для неё под знаком славы.

«Или скуки», – подумала Кик спустя пару часов, просматривая свои записи в дневнике на следующую неделю. Вулканов из гашёной соды не предвиделось, зато маячило клонирование капусты – в теории, прикольная идея, если бы не капуста. Ещё по истории Скукотауна что-то задали, ну и навесили целый список книжек для домашнего чтения, из которых ни одно название не звучало хоть сколько-нибудь интересно.

– Неужели тебе совсем ничего не нравится? – спросила её миссис Флэгг.

Кик обратила внимание, как учительница поджимает губы, когда не может во что-то поверить.

Что, конечно, плохо, потому что мысль она высказала совершенно справедливую. Кик совсем не любит читать. Она любит делать.

– Не-а, – призналась она. – Ничего.

– Что ж, придётся с этим что-то сделать! – воскликнула миссис Флэгг и хлопнула в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание. – Класс! Переходим к природоведению. Ну что, готовы проверить, как там наши капустные клоны? Рассаживаемся где хотим, но не забываем соблюдать тишину. Кик? Тебе нужно найти себе пару для лабораторной работы.

«Ну класс», – подумала Кик и сползла вниз на сиденье, в то время как все вокруг, напротив, вскочили с мест. Дженны понесли свои капустные опыты к окошку, Каролина забрала своё творение и села обратно на место, а девочка слева тронула Кик за локоть.

– Хочешь с нами? – спросила она. – Я Натали Мэй. А это Миа, – добавила она, как только к ним подошла девочка поменьше ростом с металлическим подносом в руках, на котором лежали пакеты с кусками капустной кочерыжки.

– Вот эта твоя тема с миссис Флэгг – это было так круто, – выдохнула Миа, подтаскивая поближе стул.

– Правда? – Кик изо всех сил постаралась не расплыться в улыбке.

– Ага-а, – подтвердила Натали Мэй, закинула длинные афрокосички за плечо и поправила блестящий ободок. – У меня бы никогда ничего такого обалденного не вышло.

– Спасибо, – сказала Кик и склонилась над подносом, рассматривая эксперимент. – Э-э, а что это, собственно, такое? – спросила она, поскольку что бы это ни было, выглядело оно не очень перспективно. В двух пакетах куски капусты явно начали гнить; остальные запотели изнутри так, что ничего не было видно.

Миа нахмурилась.

– Надо было вдуть туда воздуху, а я забыла. Не думала, что это окажется важно, а вот, видимо, оказалось.

– Ну да, похоже, – кивнула Кик. – Нужен был углекислый газ из твоего дыхания.

– Серьёзно?

– Наверно. – Вообще-то не наверно, а точно, но кому какая разница? Положим, обычно разница была для Кик, но это ж когда было. Сейчас – не тогда. Сейчас перед ней сидят целых две одноклассницы, которые не прочь с ней подружиться.

– Так, девочки! – подняла глаза от тетрадок миссис Флэгг и задрала лицо вверх, чтобы глянуть сквозь очки, свисавшие с самого кончика носа. – Вы как там, фиксируете наблюдения или просто болтаете?

Кик хотела было заняться двумя кочерыжками, которые таки проявляли какие-то признаки роста, но внутри её всю распирало от счастья, так что собраться просто не было никаких сил. Она взялась за график с наблюдениями, но взгляд запорхал по классу и остановился на… Кэше, мальчике с монобровью.

Кэш разговаривал сам с собой, шлёпая себя по ушам, как будто вокруг зудел комар. Никто не обращал на него внимания.

И только Кик не могла отвести от него глаз.

Их взгляды встретились.

– Ты это слышишь? – шепнул ей Кэш и провёл пальцами по лбу – а может быть, по брови.

– Тишина в классе! – послышалось от миссис Флэгг.

Кик передёрнуло, и она уткнулась в график наблюдений. Слышишь что? Она не слышала ничего, но тревогу на лице Кэша видела отчётливо – и всякий раз, как это перекошенное от ужаса лицо всплывало у неё перед глазами, по спине пробегал холодок.

8. Прорицание бабушки Миссури: «Поосторожней со своими желаниями»

Слава не замедлила принести свои плоды. Конечно, Кик всё ещё считалась новенькой, но уже не той самой новенькой, «с которой никто не садится в столовке». На природоведении все хотели работать в паре с ней. На физре все хотели передать ей пас.

«Давно надо было выставить себя экстрасенсом», – думала Кик, и когда прозвенел последний звонок, она вышла из школьных дверей вместе с Натали Мэй и Миа.

Девочки выступили на залитый солнцем двор, и тут мимо них промчался Торгаш. Джефферсон Бёрр – а звали его вообще-то именно так, и был он вообще-то сын мэра, – Джефферсон Бёрр задел Кик плечом, да так, что она чуть не улетела.

– Счастливые монетки! – выкрикнул он, сжимая бутылочку с пузырями в одной руке и горсть мелочи в другой. – Покупай счастливые монетки!

– Ты как, нормально? – всплеснула руками Натали Мэй.

– Да, нормально. – Кик потёрла плечо и проводила злым взглядом Джефферсона.

Тот и сам злобно на неё зыркнул и продолжил голосить:

– Защити себя от Проклятия, счастливые монетки!

– Что-то он большеват для шестого класса, – заметила Кик.

– Он на второй год регулярно остаётся, – пояснила Миа. – Пока говорит, что шестой – его любимый.

– Ясно.

– Надо бы и мне монетку, – проговорила Натали Мэй, поправляя блестящий ободок. – Может, даже две. Всё-таки столетие на исходе.

Кик задумалась. Тут надо было хорошенько сообразить, с чего начать – и уж точно не с того, что «счастливая монетка – ещё больший бред, чем Проклятие».

Пусть даже так оно и было.

– Раз-два-три-четыре-пять! Век закончился опять! – раздалось неподалёку. Те же девочки, что и утром, снова прыгали через скакалочку, и каждый взмах скакалки поднимал в воздух целую тучу пыли. – Снова пять-шесть-семь-и-восемь! Запах Леты ветер носит!

– Вот только вас ещё не хватало! – крикнула в их сторону Натали Мэй.

– Я что-то не соображу никак, – сказала Кик. – Что за запах лета такой? Или это образ?

– Там не лето, а Лета, – пояснила Миа. – Река такая. Это мы по истории проходили. У древних греков было, что река Лета течёт в подземном царстве мёртвых. Когда люди умирают, они должны из неё попить и забыть жизнь.

– Снова восемь-девять-десять! На болоте воют бесы!

– А-а. – Кик задумалась. – Что ж, за умную отсылку, пожалуй, зачёт, но всё равно, звучит ни разу не страшно. Вначале запах, потом вой. А потом что? Молоко прокиснет?

Она посмотрела на Натали Мэй и Миа, ища в их лицах согласия, но те только удивлённо переглянулись.

– Что? – поинтересовалась Кик.

– Ничего. – Миа потеребила темнокожими пальчиками кончики волос. – Просто как раз тебе лучше всех положено знать, что нас ждёт.

– Э-э, не, ну я как бы не всё время экстрасенс. Мне только иногда что-то открывается. Насчёт Проклятия я ничего не знаю. – Чистая правда. – Я больше как медиум, общаюсь с духами.

Грязная ложь.

Зато девочек это, кажется, успокоило – по крайней мере, до тех пор, пока до них не донеслась опять та же считалка.

– Снова десять-девять-раз – облик монстров ждёт и нас!

– Пойдёмте отсюда, – сказала Кик, и Миа с Натали Мэй последовали за ней к школьной калитке из тонких и острых прутьев. На улице стояла страшная жара, но на Главной улице (которую справедливее было бы назвать Единственной улицей) кишмя кишело народу. К салону красоты «На тот цвет» потянулась вереница старых кошёлок; на крыльце своего хозяйственного магазина орудовал метлой мэр города, прерываясь, чтобы поздороваться за руку с каждым прохожим; парковка перед «Гримп-и-Майер» стояла забитая суровыми внедорожниками на огромных колёсах. Всё как всегда.

Так отчего же у Кик этот жуткий холодок по спине?

«Оттого, что со стрёмной считалочки начинаются все нормальные ужастики», – сказала она себе. Они пошли с Натали Мэй и Миа по тротуару, стараясь держаться тени. Кик знала – знала! – что спрашивать не стоит.

Но не спросить просто не могла.

– Так что вы имели в виду, «что нас ждёт»?

Натали Мэй и Миа опять переглянулись. На этот раз скорее неловко. Нет, поняла Кик: неохотно. Им страшно даже заговаривать об этом предании.

– В общем, была одна ведьма, – наконец начала Миа.

– Чего?

– Ну, несколько веков назад какие-то дети обвинили одну местную тётку в том, что она ведьма, и её посадили в темницу. Горожане боялись устраивать над ней суд, но и отпустить боялись…

– Короче, она умерла в этой темнице, – пролепетала Натали Мэй и, расширив глаза, приблизила лицо к Кик. – Может, и не сама. Ну, ты поняла.

– Не то чтобы прямо поняла, – уточнила Кик, – но примерно догадываюсь, куда ты клонишь. Ты хочешь сказать, её убили.

Костяшки рук у Миа побелели, так она вцепилась в лямки рюкзака.

– А незадолго до своей смерти она прокляла город: каждые сто лет все дети Скукотауна должны обращаться в монстров.

– Это… – «Это ж сколько ей возмездия ждать», – хотела сказать Кик, но, к счастью, вовремя осеклась. – Это ужасно.

Девочки закивали.

– Вот-вот, – согласилась Натали Мэй. – Главное, всё равно, что подгадили Дженны, а наказание всем.

– Короче, – продолжила Миа, – столетие на исходе. Проклятие свершится со дня на день, а когда всё начнётся, мы поймём по запаху.

Кик моргнула. Потом моргнула ещё раз.

– Э-э-э… Как, ещё раз? По… запаху?

Девочки мрачно кивнули.

– Ровно как в той считалке. Сначала пахнет Летой, потом слышен рёв чудищ.

«Потом пора к психиатру», – мысленно продолжила Кик и сама же мысленно отстегнула себе подзатыльник. Они были знакомы с Миа и Натали Мэй всего ничего, но уже достаточно, чтобы понять, что они не глупенькие. Любой чепухой их не проймёшь. Возможно, правда и вымысел лежат друг к другу ближе, чем кажется Кик.

«Тут есть в чём разобраться», – решила она.

Натали Мэй немного поколебалась, прикусив нижнюю губу, и спросила:

– А тебе духи что-нибудь сообщают насчёт Проклятия?

Она явно жаждала знаний, но вопрос был снова с подвохом – и на этот раз куда более каверзным, чем когда бабушка Миссури спрашивала насчёт экспериментов Кик, мол, не папина ли это идея. Своим вопросом Натали Мэй точно пробуравила Кик в самую сердцевинку. И та застыла на мгновение, потеряв дыхание.

– Кик? – Натали Мэй взяла Кик за руку, и её ладонь оказалась холодной как лёд.

– Духи никогда не позволят ничему плохому случиться с тобой, – проговорила Кик. – Ты в безопасности.

И даже ведь не соврала. Ну, не сильно. Они же действительно в безопасности. Проклятий не существует.

Улыбка Натали Мэй стала шире. Ещё шире.

– Я так рада, что мы подружились!

– Да, и я! – подхватила Миа.

«Как мне не стыдно», – пожурила себя Кик. Но стыдно ей не было. Для стыда просто не осталось места. В каждом уголке её души светились улыбки Натали Мэй и Миа. К тому же после её предсказания всё поменялось. Девочки успокоились. Они ей поверили.

Полуденное солнце кидало на тротуар золотые лучи, и пока девочки шли по городу, Натали Мэй больше не вспоминала о счастливых монетках и прочих оберегах. Она рассказывала Кик о том, как любит лошадей, а Миа рассказывала о том, как хочет участвовать в школьном спектакле, и потом обе они убеждали Кик в том, что ей тоже нужно попробоваться на роль.

Всё шло легко, хорошо. С друзьями оказалось совсем не так, как мечталось Кик.

С друзьями оказалось куда лучше.

9. Прорицание бабушки Миссури: «Кому ты предпочтёшь поверить? Мне или своим обманчивым глазам?»

– Ладно, до завтра, – сказала Миа, когда они дошли до конца улицы, ведущей от школы. Девчонки повернули в город. Далеко впереди них Кик мельком заметила Каролину, но затем Каролина взяла вправо и исчезла за горизонтом в волнах зыбкого от жары воздуха. Кик свернула в сторону с мощёной дороги, слезла вниз по склону к самой кромке болота и направилась в Пустошь короткой дорогой.

Она пошла по топкому бережку, в тени густых ветвей, которые пусть и скрывали солнечный свет, зато защищали от полуденной жары. Кик продвинулась вглубь чащи, и вокруг стало тихо.

Обмахиваясь ладошкой, она принялась перебирать в памяти события дня. Эксперимент со сверхъестественными способностями обернулся невероятным успехом. Теперь у неё были друзья. Жизнь налаживалась.

Правда, ещё были Дженны.

И Проклятие.

И чем больше Кик думала о Проклятии, тем плотнее грудились деревья по обеим сторонам от слякотной тропки.

«А ведь там могут прятаться монстры», – протянул тоненький голосок у неё в голове.

– Вряд ли, – ответила она голоску вслух. На самом деле, если выразиться предельно точно – а именно так Кик и предпочитала выражаться, – в этом Скукотауне просто не могло обойтись без монстров и проклятий.

Ведь таково воздействие болот. Болота сплошняком окружают Дольнюю Пустошь, где возвышается на сваях крошечный домик бабушки Миссури. Они подбираются вплотную к городу, стоят у самых его окраин, а во время сезона дождей затопляют дороги. Болота всегда рядом.

Словно ждут своего часа.

Только, разумеется, ничего они не ждут. Это всего лишь болота.

«Просто о них столько всего говорят, вот и кажется, будто в них есть что-то большее», – сказала себе Кик, но шагу прибавила. Судя по всему, природа – она тоже прикидывается экстрасенсом, иначе зачем ещё она обзаводится такими эффектными прибамбасами вроде густых лиан, комаров и проклятий.

«Неплохое наблюдение», – решила Кик. Руки чесались достать из ранца блокнот и записать. – «Потом запишу», – сказала она себе.

Дома.

У себя в комнате.

Заперев как следует входную дверь. Потому что холодок с кожи по-прежнему никуда не девался.

Словно за ней кто-то наблюдает.

– Никаких монстров не бывает, – пробормотала она себе под нос – и тут услышала шаги.

Она крутанулась на месте и увидела двух мальчишек, бегущих за ней вдогонку по болотистой тропке. «Да они близнецы», – заметила Кик, разглядев, как похожи их лица – через секунду после того, как ей бросились в глаза совершенно одинаковые футболки. У обоих были выгоревшие волосы, искусанные комарами руки и не предвещавшие ничего доброго улыбочки.

– Ты это, экстрасенс, – бросил один, осклабясь, остановился и прижал тыльную сторону ладони к носу. – Мы как раз за тобой.

– Э-э, да?

– Да, – подключился второй. – Вопрос у нас к тебе.

Кик вовремя спохватилась, чтобы сразу не хмуриться. В данном случае хорошего от вопроса ждать не стоит. Отнюдь.

– А вы кто?

Первый снова растянулся в улыбке.

– Я Бадди Мэйкон, а он вот Бьюфорд. Ты не пугайся. Ну, то есть, понятно, про нас столько слухов ходит и всё такое…

Кик призадумалась, силясь припомнить, что же такого она слышала о Бадди или Бьюфорде Мэйконах – и слышала ли вообще. Ответ напрашивался отрицательный.

– Постараюсь держать себя в руках. Так что вы хотели спросить?

– Ну, для начала насчёт лотереи, какие там билеты выигрышные, – зачастил Бадди, – потом ещё ответы на завтрашний тест по матике, и ещё выйдет ли за меня Дженна Джейн.

Бьюфорд гмыкнул.

– Братан, она типа экстрасенс. Экстрасенс, братан, а не джинн из бутылки.

Где-то неподалёку застрекотал кузнечик, и вдруг трель резко стихла. И вообще, Кик внезапно осознала, что на болоте воцарилась гробовая тишина. Смолкли птицы. Жуки. Всё смолкло. Странно.

Но всякий, кто в здравом уме собрался жениться на Дженне Джейн, представлял ещё большую странность.

– Слушайте, в таких вещах я вам ничем помочь не могу, – сказала Кик парням. – Моё э-э… предназначение выше этого.

Лицо у Бьюфорда скривилось.

– Тогда какой смысл в твоих способностях?

– И что может быть выше, чем счастье с Дженной Джейн? – спросил Бадди.

Кик вопросительно посмотрела на Бьюфорда. Тот пожал плечами.

– Он стрёмный, но что делать – брат всё-таки.

– Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю, – призналась Кик и повернулась к Бадди: – Насчёт Дженны – это вообще не ко мне.

Бадди насупился и сощурил глаза. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг…

– Что это было? – спросил он вместо этого.

– Что именно? – спросила Кик, но внезапно поняла, о чём он спрашивает. Он спрашивал о запахе. Запах стоял ужасный. Не запах, а настоящая вонь.

– Бьюфорд испортил воздух! – крикнул Бадди и ткнул брата локтем.

– Это не я, – буркнул Бьюфорд.

– Ты!

– Нет, не я!

– Кто признался, тот и…

– Да тихо вы! – оборвала их Кик. Она медленно обвела глазами болота. Поднялся небольшой ветерок, и деревья вокруг зашелестели, теребя ветками, словно протяжно вздохнули. С ветерком вонь должна была исчезнуть, но она почему-то только усилилась.

Бадди конвульсивно втянул воздух.

– Ну как из сортира в жару!

– Не, как тухлые яйца!

– Господи, это же тот самый запах! Это ОНО!

– Да что тут особенного, – возразила Кик, но заставила себя как следует оглядеться ещё раз. Она завертелась, шаря глазами вокруг. В этом месте болота совсем мелкие, часто иссыхают, только ближе к осени превращаются в сплошную слякоть и зарастают каким-то хилым быльём. Прятаться просто негде.

«Разве что вон за тем поваленным деревом», – мелькнуло у Кик в голове, и сердце заколотилось. Неподалёку лежал массивный, обросший грудой мха ствол кипариса. За таким стволом любой бы спрятался.

Бьюфорд в панике скрёб ногтями по лицу.

– Это и есть тот запах! Проклятие пришло!

– Да нет никакого Проклятия! – выпалила Кик.

Но запах был, и никакой здравый скепсис не позволил бы отрицать, что воняет действительно как из сортира в жару в совокупности с тухлыми яйцами. Над болотом снова пронёсся ветерок. Хрустнула ветка.

– Теперь ещё хуже! – завопил Бьюфорд.

И вправду, вонь усилилась. Кик с трудом вдохнула, и смрад обступил их плотнее, а за стволом кипариса что-то шевельнулось. По воде пошли круги, словно в неё вошёл кто-то тяжёлый.

– Там что-то есть, – прошептал Бадди.

– Ну конечно, что-то да есть, – прошептала в ответ Кик. – В болоте много чего водится.

Плюх!

Теперь всплеск раздался слева, с другой стороны от тропинки, и все трое разом подпрыгнули.

– А-а-а-а! – завопил Бьюфорд, а может, Бадди. Сложно сказать. Потому что отвести глаз от кипариса Кик не могла никак. Что здесь творится?

«Что-то ужасное», – немедленно подсказали в голове.

– Кроме ужасного, – уточнила Кик вслух, как вдруг новый поток воздуха встревожил болото.

– Бежим! – закричал Бадди-Бьюфорд. Близнецы бросились в разные стороны, прочь с тропинки, в самую топь. Ещё секунда, и Кик бы последовала их примеру.

Но она упрямо топнула ногой и встала как вкопанная в болотную слякоть.

– Никуда я не побегу из-за какого-то запаха! – заявила она самой себе.

– А-у-у-у!

Раздался низкий, леденящий душу вой, и его источник явно приближался.

Он был где-то здесь.

Кик рванула в сторону Пустоши. Тут же поскользнулась, едва не упала, поскользнулась ещё раз, наконец оправилась и припустила что есть духу по тропинке, пока по болотной жиже плюхало что-то тяжёлое. «Быстрей! Быстрей! Быстрей!» – стучало в голове.

Но быстрей не получалось.

Ветки за спиной трещали, как боевые орудия. Всплески становились всё чаще.

Всё ближе.

Кик поднажала из последних сил, чувствуя, как рюкзак за спиной мотыляется из стороны в сторону и бьёт её по бокам. Сквозь редеющий лес понемногу проступало солнце. Кик свернула на последнем изгибе тропинки, и впереди показался знакомый травянистый склон речного берега. Усердно работая ногами, она моментально вскарабкалась на невысокий откос, выскочила на пыльную дорогу вдоль реки и помчалась, не переводя дыхания, по досточкам горбатого мостика.

– У-у-у!

Близко. Так близко, что Кик чуть снова не споткнулась. «Вперёд, не расслабляться! Не смотреть! Почти всё!» Одним прыжком Кик преодолела оставшиеся метры и ворвалась в дом.

– Господи божечки, детка! – вскричала бабушка Миссури из приёмной залы, глядя, как Кик вихрем влетела в прихожую. – Ты чего?!

«Жить хочу, вот чего», – подумала Кик, задыхаясь.

Но когда она выглянула наружу, там ничего не было.

Над болотом промчался влажный ветерок, принеся с собой запах стоячей воды и сосен. На пыльной дороге было пусто. Пусто было и на горбатом мостике. Только Фиггис где-то неподалёку плюхнул по воде хвостом.

«Этого не было», – решила Кик. Но сколько она себе ни твердила, поверить не могла.

10. Прорицание бабушки Миссури: «Нет уж, детка, если двери сами открываются и закрываются, значит, ты живёшь в доме с привидениями. Пора переезжать»

Вторник начался ровно с того же, с чего начинался всякий день в Дольней Пустоши: слепящее солнце, продувной ветер и голодный аллигатор под домом. Фиггис питался всего раз в неделю, но до этого раза страдать в одиночестве не собирался. Он так громко бил хвостом по трясине, что про вчерашнее Кик и думать забыла.

Ну, почти забыла.

Она вышла на крыльцо, нашарила в холодильном ящике просроченные куриные котлеты и выудила их на свет божий, предварительно зажав нос; впрочем, это не помогло: протухшие котлетки воняли что надо. Фиггис, очевидно, придерживался иного мнения насчёт их запаха. Всякий раз, как очередная котлетка плюхалась в воду, он тут же нырял за ней, свирепо рыча. А может, радостно рыча. А может, для аллигаторов это одно и то же.

Покончив с кормёжкой, Кик сунула металлические щипцы в пустой цветочный горшок. Таких горшков перед ней стояло штук пять – выбирай любой, потому что бабушка Миссури мало того что не пекла пирогов, так ещё и не занималась рассадой. Зато она любила чучела животных и на досуге мастерила для них одёжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.